

О, какую запутанную паутину плетем,
Когда мы впервые обманываем.

Уолтер Скотт, «Мармион»

Содержание

<i>Пролог. Воскрешение</i>	9
Грандиозные идеи	21
1. Момент Гиннеса	23
2. Должно быть, это корь	35
3. Сигнальный случай	48
4. Пилотное исследование	61
5. Ребенок номер Четыре	72
6. Вопрос морали	84
Секретные схемы	99
7. Все знают	101
8. Первый контакт	115
9. Большое значение	126
10. Проблема в лабораториях	138
11. Наука города Спартанберг	150
12. Вопросы и ответы	163
13. Рубеж столетий	176
14. На Капитолийском холме	191
15. Увольнение	203
16. Мост	216
17. Момент истины	228

Разоблачение	243
18. Следствие	245
19. Кумб трещит по швам	257
20. Спойлер	270
21. Техас	284
22. Тайное становится явным	297
23. Улица Сезам	311
24. Энтероколит	323
25. Мы можем доказать	339
26. Крокодилы слезы	357
27. Тщательно продуманное мошенничество	369
Реванш	381
28. Хуже некуда	383
29. Час расплаты	395
30. <i>Vaxxed</i>	410
31. Мир Уэйкфилда	425
32. Причина и последствия	437
<i>Эпilog.</i> Чудесный доктор	452
Хронометраж	465
Примечание	472
Благодарности	474

ПРОЛОГ

Воскрешение

В ночь вступления Дональда Трампа в должность президента в интернете появилось видео, которое потрясло все медицинское и научное общество: 60-летний мужчина в черном смокинге и галстуке под светом сине-белых огней бального зала Вашингтона ухмыляется в экран своего телефона.

— Прошу прощения, ребята, — говорит он с мягким британским акцентом, который подошел бы Джеймсу Бонду или персонажу из Гарри Поттера, — здесь есть кто-нибудь?

— Прошу прощения, — вскоре повторяет он.

Видно, как под каштановыми волосами его лицо блестит от пота, как вспышки света отражаются в его серых глазах. Мужчина говорит и идет, не останавливаясь, сначала в свете, затем в тени, поджимая полные губы, будто в поисках какой-то мысли. Вот он поднимает кулак, чтобы откашляться.

— Просто оглядываюсь, ищу кого-нибудь важного, — продолжает он, явно наслаждаясь своей близостью к власти, — чтобы убедить их, если это возможно.

Картинка становится нечеткой, и две с половиной минуты зритель наблюдает, как перевернутые изображения

с самого эксклюзивного события той ночи транслируются в прямом эфире через специальное приложение Regiscore. Раздается приглушенный удар. Вспыхивают прожекторы. Агенты секретной службы занимают свои места.

Некоторым из наблюдавших, например мне в Лондоне, мужчина казался идеальным гостем этой вечеринки. Поначалу говорили, что он красив, даже сексуален, со спортивным телосложением, харизматическим обаянием и уверенностью, которая внушала доверие. В ту ночь он мог бы сойти за дипломата, актера, посвященного в рыцари или звезду бейсбола на пенсии. Другие ахнули, будто на экранах появился Князь Тьмы. Они узнали Эндрю Уэйкфилда, опального врача, которого лишили лицензии по обвинению в мошенничестве, жульничестве и «жестоким пренебрежении» к детским страданиям.

«Это уже слишком», — твитнул техасский гастроэнтеролог. И это лишь одно из шквала сообщений, опубликованных в ту ночь. «Мне нужно что-нибудь от тошноты», — простонал химик из Лос-Анджелеса. Голландский исследователь аутизма: «Настали действительно страшные времена». «Администрация шарлатанов», — мнение бразильского биолога, которое поддержал аспирант с Севера. В Новой Зеландии кто-то надеялся, что Уэйкфилд «просто залез под камень, где и сидит по сей день».

Ага, держите карман шире. Этот человек упивался позором, как того требовала его природа и затруднительное положение, в котором он оказался. Со времени ареста некоего Гарольда Шипмана,

убившего в 1990-х около двухсот своих пациентов, ни одного британского практикующего врача не презирали так, как Уэйкфилда. *New York Times* упоминала его как «одного из самых оскорбляемых врачей своего поколения». Журнал *Time* включил его в список «самых знаменитых мошенников в области науки». А *Daily News* осрамила его под заголовком:

«ГИППОКРАТА БЫ СТОШНИЛО».

Команда Трампа, которой было поручено проверить список гостей, спокойно пропустила его на вечеринку. К тому времени дурную репутацию Уэйкфилда можно было назвать одновременно острой, хронической и уж точно увековеченной в поп-культуре. Его изобразили как злодея даже в мультипликационной ленте («Факты по делу доктора Эндрю Уэйкфилда»). Ученики в старшей школе делали на этом имени работы («Был ли отчет доктора Уэйкфилда основан на надежных научных доказательствах?»). На имени, которое использовалось в публичных обсуждениях как нарицательное.

Эндрю Уэйкфилд в биологии

Эндрю Уэйкфилд в политике

Эндрю Уэйкфилд в логистике

Тем не менее в ту самую пятницу, 20 января 2017 года, этот человек присутствовал на Балу свободы. Позади него первые из гостей, которые уже прошли через охрану, направлялись к светящимся стойкам баров на втором этаже конференц-центра

имени Уолтера Э. Вашингтона. А чуть позже Трамп с первой леди Меланией изобразили здесь танец под песню Фрэнка Синатры «Мой путь».

— Да, очень, очень занятное времечко, — хмыкнул Уэйкфилд, — мне бы хотелось, чтобы все вы были здесь, с нами.

Мне тоже.

Через четыре дня мне позвонили с вопросом, могу ли я набросать слов восемьсот об этой разработке? Тринадцать лет подряд я следил за Эндрю Уэйкфилдом и строчил новости в лондонскую газету *Sunday Times*. Со всеми полученными наградами от национальных изданий и званием почетного доктора я стал своеобразным Авраамом Ван Хельсингом, а этот граф Дракула, судя по всему, начал выбираться из своей могилы.

Изначально Уэйкфилд работал на моей стороне Атлантического океана, в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии. Тогда он был никем — врачом без пациентов в небольшой лондонской больнице при медицинской школе. Уэйкфилд работал в гастроэнтерологической лаборатории, пройдя резидентуру по общей хирургии. Правильнее было бы перечислить, кем он *не был*. Он не был ни вирусологом, ни иммунологом, ни эпидемиологом. Уэйкфилд не был неврологом, психологом, психиатром. Он не был ни педиатром, ни вообще клиницистом.

Тем не менее, этот человек со временем умудрился оставить свой след в каждой стране. Нет, это не было какое-то инновационное лечение или научное откры-

тие. Он принес в мир страх, вину и болезнь. Уэйкфилд экспортировал все это в США, а оттуда — в каждый уголок мира, где рождаются люди. Как было написано в язвительной статье *New Indian Express*:

«Может ли один человек изменить мир? Спросите Эндрю Уэйкфилда».

Я впервые услышал его имя в феврале 1998 года, прочитав доклад, или «статью», которую опубликовал ведущий медицинский журнал *The Lancet*. На этих пяти страницах, а если точнее — в двух колонках из 4 тыс. слов, он утверждал, что обнаружил новый ужасающий синдром поражения мозга и кишечника у детей. «Очевидным провоцирующим событием», как отмечалось на странице 2, была вакцина, которую регулярно вводили сотням миллионов людей. Позже Уэйкфилд описывал это как эпидемию ятрогении. Со временем он собирался очернить каждую вакцину, от гепатита В до вируса папилломы человека. Но первой в его прицел попала вакцина «три в одном» против кори, паротита и краснухи (*MMR*), которая, как он заявлял, стала причиной нарастающей волны регрессивного аутизма. Именно от нее, по его мнению, маленькие дети постепенно теряли языковые и социальные навыки. «Больные дети окажутся совсем одни в своем тихом мире, и они не будут общаться с другими людьми», — предупреждал Уэйкфилд.

Неудивительно, что молодые семьи по всей Великобритании пребывали в полнейшем шоке. Из медицинской школы, в больнице которой он работал, он начал крестовый поход, что вызвало кризис общественного

здравоохранения, не имеющий аналогов после скандалов со СПИДом. Показатели иммунизации населения резко упали. Вернулись побежденные ранее смертельные болезни. А родители детей с проблемами развития, которые вакцинировали их, следуя указаниям врачей, начали себя в этом обвинять.

Это горько и несправедливо. Я чувствую себя виноватым.

Восемь лет назад я, как родитель, совершил трагическую ошибку.

Мы убедили себя, что это судьба. Теперь мы знаем, что это наша вина.

Тогда я просто проигнорировал Уэйкфилда. Я разбирался в вакцинах и посчитал, что это очередное исследование «с душком». Его выводы были слишком простыми и однозначными. Но на тот момент мне казалось, что Уэйкфилда невозможно проверить. Я провел слишком много медицинских расследований (особенно часто сталкиваясь со случаями мошенничества в фармацевтической промышленности) и посчитал, что на поиск доказательств его некомпетентности уйдет больше жизни. И все равно их похоронят на том самом кладбище конфиденциальности, где хранятся налоговые декларации Трампа.

Но пять лет спустя все изменилось: разоблачить «великого доктора» было бы «прекрасным представлением», как писали журналисты в золотой век чернил и бумаги. Я взял интервью у матери мальчика с отклонениями в развитии, данные которого анонимно использовались в той статье. Для Уэйкфилда это

стало началом конца. Без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Уэйкфилд отказался от интервью и убежал, когда я начал задавать вопросы. *The Lancet* защищал его, равно как и медицинские учреждения. Другие журналисты начали воевать со мной. Но я продолжал задавать вопросы, собирать документы и защищаться от исков, которые он подал, чтобы заткнуть мне рот. В итоге его статья была отозвана и признана «совершенно ложной». Дни славы Уэйкфилда истекли.

— Многие публиковали свои статьи в *The Lancet*, — язвительно подметил я с бесстыдной нескромностью, но безупречно выбрав для этого время, — однако только я отозвал одну из них обратно.

Это репортеры вроде меня называют «результатом», добившись которого, можно переходить к другим проектам. Со всем присущим мне энтузиазмом я планировал заняться статинами — антихолестериновыми препаратами, которые произвели фуррор и стали самыми назначаемыми на тот момент лекарствами. Не потому, что я знал *что-то*, чего никто не заметил, а потому, что в *Big Pharma** всегда *что-то* происходит. Стадины не стали исключением.

Но в отличие от убийцы Шипмана, который умер в камере, Уэйкфилд не ушел со сцены. Он много тру-

* «Большой фармой», или «биг фармой» (от английского «*Big Pharma*», или «большая фармацевтика»), называется группа крупнейших международных фармацевтических компаний, штаб-квартиры которых расположены в основном в США и Европе и которые занимаются изготовлением лекарств и медицинских препаратов. Компании «большой фармы» имеют ежегодные обороты в сотни миллионов долларов.